

Гнев и предубеждение после захвата заложников в школе Беслана

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 327
Август 2014

Дебра Джавелин
Университет Нотр-Дам

Первого сентября 2004 года Россия пережила самый страшный в своей новейшей истории террористический акт: в школе № 1 североосетинского Беслана были взяты в заложники почти 1 200 человек. 53 часа в жажде, голоде, страхе, в душной жаре ожидали люди ужасной концовки: взрывы, горящая и падающая крыша спортзала, обстрел, повсеместный хаос и шок. После этих ужасающих событий многие наблюдатели ожидали всплеска ответного насилия. Считалось, что более 330 смертей и бессчётные травмы в результате беспрецедентного захвата заложников из числа школьников, родителей и учителей воскресят многолетнюю кровавую вражду, существующую между осетинами и их чеченскими и ингушскими соседями. Предполагалось, что ужас теракта породит волну гнева, который выльется в ответное насилие.

Выяснилось, однако, что чувство гнева оказалось продуктивным в смысле подогревания мирного политического участия в качестве ответа на захват заложников и, что интересно, мало соотносилось с уровнем поддержки ответного насилия. Важнейшим фактором, объяснявшим поддержку ответного насилия, был не гнев, а этнические предубеждения – независимо от того, вызывали ли они эмоциональную реакцию. Полученные данные основываются на интервью, проведённых в 2007 году с 1 098 пострадавшими в результате захвата заложников (это 82 % от числа установленных пострадавших), а также на работе с фокус-группами, сформированными из политически активных и неактивных пострадавших (см. Приложение). Подразумевается, что данные, полученные в результате настоящего исследования, помогут предсказать последствия применения силы в других межэтнических конфликтах.

Гнев после насилия

Гнев, злость – отрицательная эмоция, значение которой зачастую преуменьшается, чувство, которое нас с детства учат сводить к минимуму или хотя бы контролировать. Это реакция на субъективно воспринятое злодеяние, неприятное эмоциональное состояние, которое возникает в результате осмысления несправедливых или незаслуженных последствий, особенно когда нанесённый вред воспринимается как преднамеренный.

Согласно этому определению, злость была вполне допустимой реакцией на захват заложников в Беслане. Основными целями и жертвами были дети; их мучения были незаслуженны, и осознание этого доводит до бешенства – тем более что намерение преступников причинить вред очевидно. Человеческие жертвы, телесные повреждения и эмоциональное опустошение стали результатом умышленных актов террора – и это оправдывало негодование. Менее очевидны были намерения тех, кто до, во время и после

захвата заложников действовал от имени правительства, однако существующие до сих пор расхождения в информации и воспринятое как чёрствость безразличия властей по отношению к пострадавшим привели к тому, что причинённый властями вред был воспринят как намеренный и также служил оправданием для озлобленности. В таких регионах, как Южная Африка, было установлено, что раскрытие правды может «погасить гнев», но жертвы Беслана и другие североосетины по-прежнему уверены, что не знают правды о большинстве деталей захвата заложников и его страшной концовки. Не имея правдивого отчёта, пострадавшие, глубоко обдумывая произошедшее и приписывая событиям умышленный характер – порой чрезмерно, склонны испытывать злость.

Не все, тем не менее, испытывают гнев одинаково. Люди различны в своей готовности разозлиться и в восприимчивости к гневу. Когда пострадавших опрашивали о том, сколько раз за прошедшую неделю они злились, респонденты давали обычные в данном контексте ответы «ни одного дня» или «два дня», но в целом ответы варьировали в пределах всего спектра от нуля до семи дней.

Предубеждение после насилия

Этнические предрассудки определяются как предвзятые мнения о другом, основанные на его этнической принадлежности. Предвзятость между осетинами, с одной стороны, и чеченами и ингушами, с другой стороны, существовала задолго до событий 2004 года. Осетины и ингуши десятилетиями конфликтовали по вопросу контроля над Пригородным районом Северной Осетии, который ранее был частью Ингушетии. В 1992 г. конфликт принял насильственный характер, что привело к сотням смертей, захватам заложников, пропавшим без вести, разрушению собственности и насильственному перемещению ингушей в лагеря беженцев на территории Ингушетии и Чечни. Злодеяния творились по обе стороны, при этом конфликт так никогда и не был окончательно разрешён.

Историческая вражда существует также между осетинами и чеченцами. Во время первой Чеченской кампании из Беслана осуществлялись воздушные налёты «федералов» на Чечню, и поскольку осетины не являются этническими русскими, их «участие в войне» сделало их в глазах чести чеченцев «уполномоченными» российского правительства.

Злоумышленники в Беслане в 2004 году были в основном чеченского и ингушского происхождения. Пострадавшие в результате теракта и другие жители Северной Осетии часто воспринимают преступников не как индивидов, совершивших теракт, а как представителей своих этносов, предположительно жестоких и варварских. Опросы подтвердили, что большинство пострадавших в Беслане негативно относятся к тому, чтобы разделить с ингушом трапезу, чтобы их родственник вступил в брак с ингушом или чтобы ребёнок отправился в школу, где учатся ингушские дети. В трагедии в бесланской школе более $\frac{3}{4}$ опрошенных пострадавших обвинили именно ингушей и чеченцев.

Важно, однако, что не все жертвы разделяли это настроение, а среди тех, кто был предубеждён против чеченцев и ингушей, это чувство выражалось с разной степенью интенсивности.

Гнев стимулирует политическое участие

Согласно признанным теориям эмоций, гнев ведёт к агрессии. Обострённая потребность озлобленных людей исправить неверное (т.е. то, что они воспринимают таковым), по общему мнению, толкает к конфронтации и насилию. Кроме того, более глубокая конфронтация и более жестокое насилие могут подогриваться тем, что люди, испытывающие злость, склонны переоценивать возможность расплаты, а также избирательно пользоваться памятью, сосредотачиваясь на предрассудках и стереотипах. Таким образом, считается, что обусловленная гневом «склонность к действию» – причинить вред в ответ.

Однако другие свидетельства показывают, что гнев не всегда находит выход через

агрессию. «Склонности к действию» социально регулируются, то есть они подавляются или стимулируются посредством социальных норм. Жертвы насилия, которые испытывают злость, зачастую воздерживаются от ответной жестокости вследствие социальной неприемлемости насилия во многих обстоятельствах (если не в большинстве случаев). Случаи ответного насилия имели место главным образом в тех контекстах, где насилие стимулировалось социальными нормами или когда озлобленность использовали политики-популисты, повышавшие тем самым степень приемлемости и необходимости насильственной реакции. В то же время социальные нормы зачастую не приветствуют насилие, а элиты, как правило, не провоцируют его.

Какова роль гнева, если он не подталкивает пострадавших к ответному насилию? Злость – чувство «окрыляющее» в том смысле, что она требует выражения и действия. Пострадавший, чувствуя злость, зачастую имеет более высокую мотивацию, чем менее озлобленный, более оптимистически оценивает риск и, следовательно, с большей вероятностью станет делать *что-либо* в ответ на насилие. Менее понятно, что именно станет делать такая разгневанная жертва. Как будет выражена злость, какое действие она повлечёт?

Вероятный вариант – такое конструктивное действие, как политическая мобилизация. Это ровно то, что мы увидели в Беслане. Чем озлобленней был пострадавший, с тем большей вероятностью участвовал он в политике. Жертв опрашивали об их участии в 31 различном (и зачастую очень заметном) политическом действии, включая подписание петиций, обращение в газеты, посещение митингов, встречи с политическими деятелями, перекрытие автотрасс и организация сидячих забастовок в зале суда. Наиболее разгневанные жертвы были примерно в 6–9 раз политически активнее, чем менее озлобленные. Лишь около четверти опрошенных не участвовали ни в каких из упомянутых акций. При этом для большинства из тех, кто никогда не испытывает гнев или злится один день в неделю, такое неучастие является нормой.

Однако и самые озлобленные, и менее разгневанные пострадавшие не показали никакой разницы в контексте поддержки ответного насилия. Респондентам задавали очень прямой вопрос: одобряют ли они убийства чеченцев в ответ на захват заложников. Лишь меньшинство выразило такую поддержку – это согласуется с минимальной, к счастью, частотой фактического проявления ответного насилия после теракта. Более 2/3 жертв, несмотря на уровень озлобленности, отчасти или полностью осудили ответное насилие.

Предубеждение стимулирует насилие

Литература, посвящённая теме жестокости, зачастую игнорирует важность предубеждений, в случае когда речь не идёт о всплеске эмоциональности. Чувства неприязни по отношению к людям, обусловленного их этнической принадлежностью, по-видимому, недостаточно для того, чтобы атаковать другого. Но когда включается такое чувство, как, например, ненависть, уровень поддержки насильственных методов возрастает. Существует, однако, более применимый в данном случае причинный механизм, прямой и неэмоциональный, который связывает этнические предубеждения и насилие по этническому признаку, – это возникновение чувства обиженности: обида предшествует насилию, а индивиды обдумывают возмездие. Поддержка индивидом насилия по этническому признаку может быть спровоцирована не эмоциями, а тем, что уже предубеждённый человек оказывается фактически задет. Нельзя сказать, что этнические идентичности сами по себе приводят к насилию. Такой довод сводит на нет, если не опошляет, взаимные обиды или разногласия между соперничающими этническими группами. Например, если бы не убийства по этническому признаку на Северном Кавказе, особенно совершавшиеся от имени российского правительства, маловероятно, что само по себе негативное отношение ингушей и чеченцев к осетинам и наоборот привело бы к насилию. Смысл скорее таков: в контексте взаимных обид (например, если речь идёт о

жестоком преследовании), ответное насилие более вероятно тогда, когда уже сформировано негативное отношение к этносу преступников – независимо от уровня эмоциональной возбужденности индивидов.

На Северном Кавказе насилие как реакция на захват заложников в бесланской школе имело место гораздо реже, чем того ожидали журналисты и другие исследователи региона. Позиция пострадавших соответствовала этому общему поведенческому выводу; низок был и уровень поддержки ответного насилия. Тем не менее, в определённой степени поддержка насилия присутствовала, и предубеждение хорошо с ней коррелировало. Чем более предвзят по отношению к чеченцам был пострадавший, тем более он был склонен одобрять их убийства. Это не означает, что подобное предубеждение предвосхищает поддержку насилия. Предубеждение против ингушей и чеченцев широко распространено среди пострадавших, одобрение ответных убийств – нет. Предвзятость повышает уровень вероятной поддержки насилия, а *отсутствие* предубеждений очень сильно коррелирует с неприятием насилия.

Результаты исследования в контексте других межэтнических конфликтов

Акты насилия со стороны ожесточённых индивидов иногда оправдывают тем, что они были разгневаны или напуганы действительными обстоятельствами. В случае ответного насилия по этническому признаку такое оправдание, вероятно, недостаточно. Представленные здесь свидетельства не говорят о том, что каждый индивид, находящийся на пике эмоционального возбуждения, поддержал бы ответное насилие в адрес «собратьев» злоумышленника по этносу. Вместо этого мы говорим, что опасна сама по себе антипатия по отношению к другим индивидам, основанная на их этнической принадлежности. Действительные обстоятельства, пусть предельно реальные и, вероятно, провоцирующие злость, тем не менее только предлог для насилия, основанного на уже сформировавшемся предубеждении.

Когда индивиды поддерживают ответное насилие в контексте межэтнического конфликта, они не просто мстят тем, кто применил насилие первыми. Напротив, они «обобщают» месть и поддерживают идею причинения вреда всем людям той же этнической принадлежности, что и злоумышленник. Не очевидно, что гнев или другие эмоции могут быть ответственны за скачок – минуя многочисленные промежуточные шаги – от мести, логически оправдываемой (*убей убийцу*), к мести «обобщённой», основанной на предубеждении (*убей «сородичей» убийцы*). Предубеждения, однако, и в самом деле могут быть ответственны за подобный скачок, так как предубеждённый индивид рассуждает в терминах этноса и видит в убийце представителя той или иной этнической группы.

Приложение

Об исследовании

В настоящем исследовании пострадавший – выживший взрослый (старше 18 лет) заложник, родитель или опекун несовершеннолетнего заложника или ближайший родственник погибшего заложника. Используя списки заложников, подготовленные в прокуратуре, в городском отделе социального обеспечения, который организует социальную помощь пострадавшим, в организации «Матери Беслана» и взятые из различных служебных документов, мы составили черновой вариант списка из 1 479 имён заложников. После исправления опечаток, устранения дублирующихся имён, исключения тех, кто не был заложником, и несуществующих людей мы уменьшили список до 1 226 имён, что близко к среднему числу, фигурировавшему в различных оценках. После этого мы охватили всё население, пытаясь найти одного пострадавшего – респондента по каждому имени бывшего заложника или двоих, если речь шла о родителях несовершеннолетних заложников. Согласно этим правилам – обращаться к одному

респонденту по одному имени из списка или к двум (родители), – мы идентифицировали 1 340 пострадавших и попытались связаться с ними. 38 из них не было в городе, либо они в продолжение всего опроса были недоступны по иным причинам; семеро переехали, и их контактный адрес был неизвестен; ещё пятеро не участвовали по иным причинам. Отказались участвовать 192 пострадавших (44 бывших заложника и 148 родителей или иных родственников бывших заложников) – учитывая чувствительность темы, это необычно малое число. Причины отказа в основном заключались в нежелании пострадавших вспоминать о событии, причинившем боль, и в стремлении, напротив, забыть о трагедии и продолжать жить в настоящем, а не в прошлом. Меньшее число пострадавших считали опрос бесполезным, в том числе лично для них. Окончательная выборка из 1 098 пострадавших составила 82 % (из 1 340 человек, с которыми попытались связаться изначально). Личные интервью проводились дома у респондентов в мае (213 интервью), июне (649 интервью), июле (163 интервью) и августе (73 интервью) 2007 года. В декабре 2008 года в Беслане были организованы шесть фокус-групп (по 6–9 участников в каждой). Участники фокус-групп выбирались из базы данных респондентов-пострадавших случайным образом. В качестве критериев отбора выступали пол, возраст и уровень политической активности.

Elliott School of International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. Публикация осуществлена при поддержке грантов Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Фонда Джона Д. и Кэтрин Макартуров. www.ponarseurasia.org